

ХАОС ПОД НЕБЕСАМИ — СИТУАЦИЯ ПРЕВОСХОДНА!

Славой Жижек

Славой Жижек — известный словенский философ и теоретик культуры, живет и работает в г. Любляна (Словения), президент люблянского Общества теоретического психоанализа и Института социальных исследований

Говорят, в Китае, если вы действительно кого-то ненавидите, вы можете бросить в адрес этого человека проклятье: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!». Действительно, «эпоха перемен» — это периоды волнений, войн и борьбы за власть, когда миллионы невинных людей страдают от их последствий. Происходящие в настоящее время события, которые начались в Тунисе и сейчас вспыхнули в Египте, дают понять, что мы приближаемся к новой эпохе перемен. Традиционные обвинения западных властей в том, что они платят по счетам за свою лицемерную поддержку недемократических режимов, объясняют немного. Ни в Тунисе, ни в Египте мы не видим какого-либо сильного мусульманского фундаменталистского присутствия — люди просто взбунтовались против деспотизма. Конечно, актуальным остается вопрос: «Что случится на следую-

щий день? Кто выйдет политическим победителем?».

Когда в Тунисе было назначено новое временное правительство, в него не вошли ни исламисты, ни более радикальные левые. Реакция самоуверенных либералов была такова: по сути, они одинаковы, эти две тоталитарные крайности. Но так ли просты вещи, как о них говорят? **Разве истинный долговременный антагонизм развивается не между исламистами и левыми?** Даже если на какое-то время они объединяются против режима, то, как только они побеждают, их единство разрушается. Они вступают в смертельную борьбу, зачастую более жестокую, чем та, которую они вели против общего врага.

Вспомним последние выборы в Иране. Зеленый цвет, выбранный сторонниками Мусави, выкрики «Аллах Акбар!», которые слышались с крыш Тегерана в вечерней мгле, явно означали, что они воспринимали свою деятельность как повторение революции 1979 года под руководством Хомейни, как возврат к ее истокам, уничтожение коррупции, возникшей после революции.

Революция Хомейни была чем-то большим, чем просто исламистский переворот. Стоит вспомнить о невероятной активности первого года после революции, с захватывающей дух вспышкой политической и социальной креативности, организаторскими экспериментами и дебатами среди студентов и простых людей. Это был момент, в котором «все казалось возможным». Далее последовал постепенный спад, обусловленный захватом политического контроля исламистской организацией.

Даже в случае явно фундаменталистских движений следует быть осторожным, чтобы не проглядеть социальный компонент. Движение Талибан обычно представляется как фундаменталистская ис-

ламистская группировка, навязывающая свои правила через террор. Тем не менее, когда весной 2009 года члены движения захватили долину Сват в Пакистане, газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила, что они организовали «классовое восстание, пользуясь значительным разрывом между небольшой группой богатых землевладельцев и их безземельными арендаторами».

В статье из «Нью-Йорк Таймс», когда там говорится о «способности Талибана использовать классовые различия», очевидна идеологическая подоплека: как будто «подлинная» задача Талибана заключается в чем-то другом — в религиозном фундаментализме — и они всего-навсего «воспользовались» тяжелым положением бедных безземельных фермеров. К этому следует добавить еще две вещи.

Во-первых, такое разделение между «подлинной» задачей и инструментальной манипуляцией навязаны Талибану извне: как будто сами бедные безземельные фермеры не ощущают своего тяжелого положения в «фундаменталистских религиозных» условиях! Во-вторых, если, «используя» тяжелое положение фермеров, Талибан «бьет тревогу относительно опасностей для Пакистана, который остается в большей степени феодальным», то, что мешает либеральным демократам в Пакистане, так же как и Соединенным Штатам, просто «воспользоваться» этим бедственным положением и попытаться помочь безземельным фермерам?

Печальным выводом из того факта, что этот очевидный вопрос не поднимается в статье из «Нью-Йорк Таймс», является то, что феодальные силы в Пакистане — это «естественные союзники» либеральной демократии...

Реагируя на хорошо известную характеристику марксизма как «ислама XX века», который при-

дает исламскому абстрактному фанатизму светский характер, Жан-Пьер Тагиефф написал, что **ислам превращается в «марксизм XXI века», продвигающий после заката коммунизма свой яростный антикапитализм.** Тем не менее, не подтверждают ли недавние злоключения мусульманского фундаментализма давнее предсказание

печить богатых финансистов Уолл-Стрит.

Короткое замыкание между двумя программами оказало на меня электризирующий эффект: особенно явно проявились две вещи. Во-первых, я отметил странное сходство между двумя певцами. Оба формулировали антиправительственную популистскую жалобу, на-

листской партией (к которой можно прибавить крайне радикальные и неонацистские группы). Хорошей иллюстрацией может быть Польша: с исчезновением экс-коммунистов главными партиями сейчас стали «антиидеологическая» центристская либеральная партия премьер-министра Дональда Туска и консервативная христианская партия Качинского. В Италии Берлускони является доказательством того, что даже такая крайняя оппозиция вполне преодолима: его Forza Italia — партия глобального капитализма и популистской анти-иммигрантской тенденции. А разве Виктор Орбан, новый лидер Венгрии, это не Берлускони с венгерскими ценностями? **Сегодня единственный способ мобилизовать электорат — это подстегнуть страх (иммигрантов, соседей).**

Даже в случае явно фундаменталистских движений следует быть осторожным, чтобы не проглядеть социальный компонент

Вальтера Беньямина о том, что «каждое восхождение фашизма свидетельствует о неудавшейся революции»? Возникновение фашизма является провалом левых, но и одновременно доказательством того, что революционный потенциал и неудовлетворенность существовали, и левые не смогли их мобилизовать. И разве нельзя сказать то же самое по отношению к сегодняшнему так называемому «исламо-фашизму»?

Не соотносится ли восхождение радикального исламизма с исчезновением светских левых сил в мусульманских странах? Когда Афганистан изображается как крайне исламистская фундаменталистская страна, вспомнит ли кто-нибудь, что сорок лет назад это была страна с сильными светскими традициями, вплоть до наличия влиятельной коммунистической партии, которая пришла к власти независимо от Советского Союза? Куда пропали эти светские традиции?

В середине апреля 2009 года я сидел в номере отеля в Сиракузах перед телевизором, переключая туда-сюда два канала. На одном шел документальный фильм о Пите Сигере, великом американском певце в стиле кантри, стороннике левых взглядов. На втором — канале Fox News — шел репортаж о движении «Чаепитие», выступавшим против налогов в Остине, штате Техас, там был певец в стиле кантри, который исполнял популистскую антиобамовскую песню, полную жалоб на то, как Вашингтон облагает налогом обычных трудяг, чтобы обес-

правленную против эксплуататоров-богачей и против государства, призывающую к радикальным мерам, вплоть до гражданского неповиновения — болезненное напоминание о том, что **в плане формы и организации сегодняшние радикально-популистские правые страным образом напоминают старых радикально-популистских левых.** Разве сегодняшние христианские фундаменталистские группы с их полунелегальным статусом, видящие главную угрозу своей свободе в жестоком государственном аппарате, не организованы как Черные пантеры в далеких 1960-х?

Ситуация в Европе становится еще хуже. И в Западной, и в Восточной Европе **наблюдаются признаки долгосрочной реорганизации политического пространства.** Вплоть до недавнего времени это пространство в целом определялось двумя главными партиями: право-центристской партией (христианско-демократической, либерально-консервативной, народной партией) и лево-центристской партией (социалистической, социал-демократической, и т. д.), а также более мелкими партиями, обращающимися к узкой группе избирателей (экологам, либералами, и т. д.).

То, что сейчас появляется на свет, — это пространство, занятое с одной стороны партией, выступающей за глобальный капитализм как таковой (обычно с некоей степенью толерантности к абортам, правам геев, религиозным и этническим меньшинствам, и пр.), а с другой — усиливающей свое влияние антииммиграционной попу-

Это ведет нас к пониманию настоящего зловещего урока восстаний в Тунисе и Египте: если умеренные либеральные силы продолжают игнорировать радикальных левых, они создадут непреодолимую фундаменталистскую неопределенность. Для того, чтобы либеральное наследие выжило, либералам необходима братская помощь радикальных левых.

Итак, возвращаясь к Египту, самой позорной и опасной была оппортунистическая реакция Тони Блэра, которую можно увидеть в репортаже CNN: перемены необходимы, но это должны быть «стабильные перемены». «Стабильные перемены» в Египте сегодня могут означать только компромисс с силами Мубарака, которые могут пожертвовать самим Мубараком и расширить правящий класс. Лицемерие западных либералов захватывает дух: они публично поддерживали демократию, а сейчас, когда люди восстали против тиранов во имя свободы и справедливости, а не во имя религии, все они «глубоко озабочены». Почему они озабочены? Почему они не радуются, что свободе дается шанс? **Сегодня, больше чем когда-либо, справедлив старый лозунг Мао Цзедуня: «Хаос под небесами — ситуация превосходна!».** ■

Специально для РЖ